

Н.Н. КРАДИН

ВЛАСТЬ В ТРАДИЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Понятие «традиционная власть» требует уточнения. В веберовской трактовке «власть» (*Macht*) следует отличать от «господства» (*Herrschaft*). В первом случае подчинение основывается на простом насилии, не обязательно легитимном. Во втором — объект власти признает свой статус законным и подчиняется господину в силу существующих норм. В русском языке «власть» (однокоренные слова — владеть, властелин, воля, великий) ближе к немецкому *Herrschaft*, чем к *Macht* (власть, сила, мощь; глагол *machen* — делать; ср. также с англ. *domination* — господство и *power* — власть, сила, энергия). В связи с этим можно считать понятия «власть» и «господство» синонимами и, следовательно, использовать такие устойчивые словосочетания, как «традиционная власть», «харизматическая власть» и «рациональная власть». Однако, говоря о веберовских взглядах на структуру власти в традиционных обществах, корректнее говорить о традиционном типе *господства*. Наиболее подробно традиционное господство рассматривается в книге «Хозяйство и общество» [1, S. 130-140]. Самой важной чертой традиционного господства является вера в священный характер традиций и правил, «нарушение которых влечет за собой дурные магические или религиозные последствия» [2, с. 69–68]. Для традиционного сознания характерна конкретность и образность мышления, вера в сверхъестественные силы, которые находятся вне реального мира и при определенных обстоятельствах могут вмешиваться в отношения между людьми или карать их. Чтобы обеспечить себе психологически комфортное существование, традиционный человек создает мифологическо-ритуальную идеологию, призванную магическими средствами обеспечивать природную и социальную гармонию. Поддержание порядка возложено на тех, кто способен выполнять эти функции благодаря своим сверхъестественным способностям. Они могут вступать в контакты с богами и силами природы и обеспечивать своему народу защиту и стабильное существование.

Крадин Николай Николаевич — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, зав. кафедрой социальной антропологии Дальневосточного государственного технического университета. **Адрес:** 690950 Владивосток, Пушкинская ул., д. 89, Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН. **Телефон:** (4232) 22–80–67. **Факс:** (4232) 26–82–11. **Электронная почта:** kradin@mail.primorye.ru

Традиционное господство имеет *личный* характер. Отношения между правителем и его помощниками строятся не на служебном долге и деловой компетенции, а на преданности господину, который рассматривает управление как функцию своей личности и использует власть в соответствии с собственными стремлениями и интересами. Сколько-нибудь существенное разделение компетенции и обязанностей между чиновниками отсутствует. «Вместо твердой деловой компетенции имеет место конкуренция поручений и полномочий, первоначально даваемых господином по свободному усмотрению, затем становящихся долгосрочными и, наконец, часто стереотипизированными ...благодаря этому зачастую конструируются деловые компетенции и тем самым ведомства. Обладающие долгосрочной компетенцией порученцы — это, прежде всего, придворные чиновники господина; не связанная с двором («экстрапатримониальная») компетенция предоставляется им часто по довольно поверхностному подобию [предлагаемой] области деятельности их придворной службе или же, прежде всего, по совершенно произвольному выбору господина». Как правило, в «штабе» господина (так Вебер называет двор правителя) отсутствуют «а) твердая деловая «компетенция»; б) жесткая рациональная иерархия; в) систематическое назначение посредством свободного контракта и упорядоченного повышения; d) (обычно) специальная подготовка; e) (часто) конкретное и (еще чаще) выраженное в денежной форме жалованье» [1, S. 131-132].

Соратники правителя расценивают выполнение своих должностных обязанностей как личное служение господину. Их права и обязанности являются привилегиями, которые даны господином и могут быть отобраны в соответствии с его прихотями. В отношениях с подчиненными и простыми людьми соратники господина и чиновники действуют так же произвольно, как и сам правитель, если это не противоречит сакральным традициям и указаниям свыше.

«Штаб» помощников господина состоит из подданных, которых Вебер разделяет на две категории — «патримониально рекрутируемых» и «экстрапатримониально рекрутируемых». К первым он относит родственников господина, домашних слуг, рабов, колонов, клиентов и вольноотпущенников. Ко вторым — вассалов, связанных словом чести, прочих свободных лиц, связанных личными доверительными отношениями с правителем.

Вебер разделяет рациональную бюрократию и бюрократию вообще. Бюрократия появилась еще в патримониальных государствах; чиновниками становились «экстрапатримониально рекрутируемые» лица. В традиционных обществах эти чиновники являются, прежде всего, личными слугами господина.

Традиционное господство базируется не на формальном своде общих для всех законов и правил, а, во-первых, на традиционных правовых нормах и, во-вторых, на личных решениях самого господина.

на или его приближенных, облеченных этими обязанностями, — последнее в соответствии с германской традицией Вебер называет «княжеским правом». Причем «лично присутствующий господин выше всякой законности» [1, S. 132], он не связан никакими формальными предписаниями.

Моральные и этические принципы традиционного общества основываются на вере в священные устои. Вследствие этого протест против злоупотреблений господина или его слуг направляется против конкретных индивидов (того же правителя или, как правило, его помощников), но не против существующей системы ценностей.

Вебер выделяет несколько типов общества, основанного на традиционном господстве. К их числу относится общество с геронтократической *патриархальной* властью отца семейства, старейшего члена общины или рода, где господство обусловлено традициями. В *патримониальном* обществе власть правителя над вассалами, клиентами и крепостными базируется на личных отношениях господства и подчинения. В сущности, это уже государство, где властные отношения основаны на патриархальной связи между «отцом» и «сыновьями». *Сословное*, или феодальное, общество представляет собой развитый вариант патримониального; здесь бывший «штаб» структурируется в замкнутую группу, наделенную определенными властными прерогативами и источниками существования. В сословном обществе система власти децентрализована. Вассалы, или «патримониальные чиновники», территориально отделены от своего господина, каждый из них управляет своим уделом и вследствие этого в какой-то степени независим. В развитом патримониальном обществе крупные чиновники («патримониальные бюрократы») также территориально отделены от господина. Однако их право на пользование землей наследственно: в этом отличие такого общества от сословного феодализма. Классический патримониализм препятствует развитию рыночного капитализма, тогда как экономическая независимость феодалов создает базис для формирования в дальнейшем средних классов. Образцом этого, по мнению Вебера, является Англия, где преобладание сословного общества над патримониальным обусловило раннее развитие буржуазных отношений.

Большинство исследователей не склонны сводить власть вождей к какому-либо одному фактору и выделяют большое число каналов, по которым осуществляется развитие властных отношений. Так, согласно Томасу Манну, главными силами, ведущими к власти, являются экономика, политика, война и идеология [3]. Тимоти Эрл выделяет такие источники достижения власти, как экономический базис, военную мощь и идеологию [4]. Схожий набор черт отмечают и другие авторы.

По степени значимости можно выделить две группы факторов, обуславливающих власть в традиционном обществе. Из них основ-

ными являются управленческие и редистрибутивные обязанности вождей и контроль над продуктивными ресурсами. Среди неосновных — контроль над внутренним и внешним обменом или торговлей, ремесленным производством, а также идеология, военные функции вождей и проч. Рассмотрим перечисленные функции подробнее.

Организационно-управленческие функции. Это один из ведущих каналов установления власти правителей во всех обществах. Без иерархии в управлении любая сложная система не способна адекватно реагировать на внешние возмущения и внутренние стрессы и в конечном счете обречена на распад. Уже вождество представляет собой сложную иерархическую систему, объединяющую локальные общинные поселения. Такие предпосылки и составляющие процесса возникновения вождеств (chiefdoms; подробнее см.: [5, 6]), как рост прибавочного продукта вследствие перехода к «производящему» хозяйству, рост населения и т. д., приводили к усложнению управляющей подсистемы. Для того чтобы регулировать процессы в таком обществе, необходимо было заменить выработанные в более эгалитарных общественных структурах системы политического лидерства на более сложные.

Однако освобождение вождей от участия в непосредственном производстве прибавочного продукта произошло не сразу. Существует масса промежуточных форм и вариаций. В Океании, например, на Пуапуке и Футуне, вожди сами занимались добычей пищи, но на Самоа они были освобождены от этого, а на Таити, Тонга и Гавайях физическим трудом не занимались также члены семей вождей и их ближайшее окружение.

Перераспределенческие функции. Этот канал власти тесно связан с предыдущим, так как многие архаические общества имели централизованную экономику. В предгосударственных обществах редистрибуция (перераспределение прибавочного продукта) могла быть использована: 1) для раздач на традиционных праздниках; 2) для обеспечения различных общественных работ; 3) в качестве страхового фонда в периоды голода; 4) для персонального потребления вождя, его домочадцев, слуг и приближенных [4, 7].

С одной стороны, редистрибуция не способствовала автоматической концентрации богатств и излишков пищи у элиты. Обогащение вождей и их окружения происходило опосредованно. Раздавая общественный продукт от своего имени, вождь повышал тем самым свой престиж, а общинники вынуждены были делать ответные подарки, как правило, превосходившие по объему первоначальный дар. Таким образом, процесс шел по нарастающей. С другой стороны, за выполнение общественных функций вождь получал часть коллективного прибавочного продукта для личных нужд, обеспечения домочадцев и слуг и на «представительские расходы». Первоначально эта часть была невелика, но постепенно она возрастала. В ряде самых развитых

предгосударственных иерархических структур правители использовали произведенный народом продукт исключительно на собственные нужды. Возможности манипуляции с общественным продуктом прямо или косвенно приводили к тому, что вожди могли приоткрывать или прикрывать общественную «кормушку» — поощрять одних и сдерживать других. Это усиливало зависимость ближайшего окружения от правителя.

Важно отметить, что редистрибуция характерна не только для традиционных обществ. В СССР, например, существовала система особых магазинов и спецраспределителей для «номенклатуры», где товары высшего качества продавались по заниженным ценам. Прочие граждане довольствовались обычными магазинами с их незатейливым ассортиментом (наиболее дефицитные товары распределялись еще на базах и складах магазинов или из-под прилавка по так называемому блату). Еще в годы гражданской войны по указу В.И. Ленина были созданы специальные магазины для ограниченного числа лиц [8, с. 315–316].

Контроль над ресурсами. Среди политантропологов наиболее последовательно роль этого фактора отстаивал М. Фрид. В его эволюционной схеме главным критерием завершающего этапа первобытности (стратифицированное общество) являлся неравный доступ к основным экономическим ресурсам [9]. В той или иной степени важность этих механизмов для усиления власти вождей подчеркивалась многими другими авторами. Данный тезис хорошо подтверждается и многочисленными этнографическими примерами. На Гавайях вожди контролировали или активно вмешивались в перераспределение земельных участков. За выполнение посреднических функций вождь пользовался долей прибавочного продукта, хранившегося на общественных складах. Власть ольмекских вождей во многом основывалась на контроле над высокопродуктивными террасными землями. Примеры подобного рода демонстрируют также карибские, амазонские и миссисипианские вождества (chiefdoms), основанные на интенсивном земледелии в аллювиальных речных долинах. В число ресурсов «ограниченного доступа» входили не только земельные участки, но и озера, богатые рыбой, пастбища с сочной травой и т. д. Такая практика могла распространяться и на ресурсы, не связанные прямо с добычей или производством пищи. П. Рик приводит пример того, как элита одного из «чифдомов» пыталась влиять на сектор керамического производства, контролируя территории, богатые глиной [10].

Как контроль над ресурсами мог увеличивать власть правителей архаических и традиционных обществ? Во-первых, имеющиеся ресурсы правитель мог передавать в пользование, «дарить» своим подданным (так же, как и прибавочный продукт), повышая тем самым свой престиж, а впоследствии и свое экономическое положение. Во-вторых, он мог привлекать подданных к обработке общественных или

находящихся в его распоряжении ресурсов под каким-либо благовидным предлогом. В-третьих, правитель имел право на лучшую долю ресурсов: самый плодородный кусок земли, самые тучные пастбища, наиболее богатую рыбой или моллюсками часть реки или озера.

В целом управление, контроль и перераспределение следует рассматривать как разные стороны процесса монополизации общественно-полезных функций. Вождь и его окружение, владея информацией и ключевыми рычагами распределения ресурсов и производенного прибавочного продукта, выступают в качестве идеологических собственников средств производства и прибавочного труда. Однако эта «собственность» условна так же, как «собственность» бюрократов при государственном способе производства, она производна от функции власти [11] и зависит от места в иерархии управления обществом.

Тем не менее, даже не владея ресурсами, носители традиционной власти пытаются идеологически обосновать свои права на них. А. Соутхалл, специально изучавший этот вопрос, полагает, что приватизация ресурсов начала осуществляться на стадии вождества через зарождение символическо-ритуального неравенства по отношению к ним, ритуальную монополию верхов на средства производства и замену последней реальными частнособственническими отношениями. И именно в тот момент, когда элита идеологически монополизировала ресурсы и средства производства, по мнению А. Соутхалла, появляются зачаточные формы раннего государства [12].

Контроль над обменом и торговлей. Ограничение доступа к внешнеторговой деятельности — универсальная черта, характерная как для надлокальных первобытных обществ, так и для ранних государств. В вождествах право обмена принадлежало, как правило, только его правителю или также главам ведущих линиджей. Это делало разрыв в статусе между элитой и простыми общинниками еще более ощутимым. Получая из-за границы своих владений редкие и диковинные товары и распределяя их в обществе, иерарх контролировал редистрибутивную сеть, повышал свой престиж и увеличивал влияние на подданных [13, 14]. В то же время внешнюю торговлю можно рассматривать как один из способов конкуренции элиты, приводящей к повышению позиций более удачливых вождей и к формированию широкой сети династических браков, вассальных и союзнических отношений. Правители, чьи вождества и ранние государства были расположены в стороне от главных торговых артерий, вели войны за контроль над ключевыми пунктами обмена. В то же время торговля не являлась ведущим фактором политогенеза. Она способствовала трансформации вождеств в ранние государства только с возникновением широкой торгово-обменной сети; власть элиты больше зависела от управления экономикой и контроля над вооружением.

Контроль над ремесленным производством. Контроль над обменом интенсифицирует и контроль над изготовлением предметов пре-

стижного потребления, предназначенных как для личных нужд вождей, так и для внешнего обмена. Существует множество подтверждающих это археологических и этнографических примеров. Однако не следует забывать, что ремесленное производство в вождествах развито еще сравнительно слабо и, следовательно, вожди могут осуществлять контроль только над производством небольшого числа наиболее престижных вещей.

Правители вождеств стремятся также держать под контролем изготовление орудий труда и вооружения. В поселениях индейцев камиллю большинство обсидиановых орудий концентрируется в хозяйствах элиты. Тробрианские вожди контролировали импорт камней, применявшихся для изготовления топоров. С появлением железных орудий, когда на обширных пространствах Европы, Азии и Африки распространяется земледельческая экономика, начинается контроль над их производством и распределением. Иногда контроль над «продуктивными технологиями» осуществлялся и посредством прямого вовлечения элиты в ремесленное производство. Не случайно в ряде регионов (Скандинавия, Британия, Полинезия, Южная Африка и проч.) вожди и короли должны были владеть кузнечным ремеслом; в Полинезии вожди практиковали такую престижную форму ремесленной деятельности, как изготовление лодок и резьбу по слоновой кости. У майя произведенные представителями власти предметы искусства служили символическими маркерами высших групп населения.

Война и военно-организационные функции. Война является еще одним важным фактором, который потенциально способствует политогенезу. Изначально — как «война всех против всех» — она была названа Т. Гоббсом причиной возникновения государства; Г. Спенсер полагал, что война являлась механизмом эндогенного развития и в то же время способствовала подчинению одних обществ другим. Последнее положение вылилось в особую «завоевательную» теорию, согласно которой государство возникало как следствие экспансии более сильных групп (Л. Гумплович, Ф. Оппенгеймер, К. Каутский и др.). Особенно часто указывалось на роль в этих процессах воинственных кочевников-скотоводов. В частности, согласно «ограничительной» теории Р. Карнейро [15], генезис государства связан, главным образом, с ростом населения и конкуренцией за ресурсы, приводящей к умножению конфликтов и войн. Естественный выход из этого — введение политической иерархии, которая, с одной стороны, закрепляет господство победивших в конфликтах групп, и, с другой стороны, интенсифицирует производство для разрешения демографических и экономических проблем.

Роль военного фактора многократно обсуждалась в специальной литературе. В настоящее время большинство исследователей склоняются к мнению, что хотя война теоретически и не относится к обязательным составляющим политогенеза, в реальности многие вождест-

ва и ранние государства образовывались именно за счет завоеваний [16, 17, 18 и др.].

Важно рассмотреть, как именно война способствовала концентрации власти в руках военных вождей, правителей вожеств и ранних государств. Прежде всего, война являлась важным источником доходов правителя и его ближайшего окружения: во-первых, это награбленные предметы престижного потребления и украшения; во-вторых, это захваченные пленники, которые могли использоваться в хозяйстве вождя, для культово-церемониальных нужд, дариться, продаваться, обмениваться и т. д.; в-третьих, это завоеванные земли (как правило, вместе с населением). Поскольку военные приобретения реже подвергались престижному перераспределению, чем результаты непосредственной экономической деятельности, то контроль над ними усиливал власть военных предводителей.

Кроме этого, в традиционных обществах с низкой вертикальной мобильностью участие в войнах для основной массы населения (особенно для лиц с низким наследственным статусом, маргиналов и молодежи) — едва ли не единственный способ повысить свое положение в обществе. Нередко именно поэтому около правителей вожеств или военных предводителей (при функциональной разграниченности элиты) постепенно концентрируются профессиональные воины — дружина, которая слабо связана с традиционными общественными структурами и ориентирована на личную преданность командиру. Вполне понятно, что опора лидера на личные связи с вооруженными, дисциплинированными и нередко молодыми сторонниками — весомый аргумент в политической борьбе. Достаточно сослаться на хорошо известные примеры прихода к власти русских царей Ивана IV и Петра I. Наконец, в уже сформировавшихся традиционных государствах армия могла быть эффективно использована для подавления внутреннего сепаратизма, восстаний масс и репрессий.

Особое место занимает вопрос об участии правителя в военных действиях. По всей видимости, везде он считался верховным военачальником, и от его лица проводились воинские кампании. Многие монархи лично участвовали в сражениях и прославились как отважные воины и (или) выдающиеся полководцы. Свое политическое могущество добыли с оружием в руках и Александр Великий, и Цезарь, и Хлодвиг, и Карл Великий, и Наполеон Бонапарт. В отечественной истории это такие известные политические деятели, как Святослав, Александр Невский, Дмитрий Донской и Петр Великий.

Однако личное участие в походах и битвах поощрялось далеко не везде. Во многих африканских вожествах и ранних государствах тело царя считалось слишком большой ценностью, чтобы подвергать его опасности. Даже рана, не говоря уже о болезни или физическом дефекте, могла привести к потере им сакральных качеств. Кельты нередко связывали проигранные сражения с гибелью или ранением сво-

его правителя. Но вне зависимости от того, принимал правитель участие в военной деятельности или нет, все победы приписывались исключительно его сверхъестественным медиативным качествам.

Идеология. Голое насилие не может действовать бесконечно. Господство предполагает наличие определенной идеологической системы, связывающей господ и подданных определенными нормами. По этой причине трудно не согласиться с мнением Петера Скальника, что воспитание у людей принятия существующего политического порядка играло не меньшую роль, чем прямое насилие [19].

С данной точки зрения сакрализация была важным механизмом консолидации общества, выработки идеологии, направленной на преодоление антагонизма между элитой и простыми общинниками. Центральным компонентом этой системы был правитель. Во многих архаических и традиционных обществах люди считали, что он наделен сверхъестественными способностями или же является представителем мира богов на земле, и поэтому течение природной и социальной жизни в немалой степени подчинено его влиянию. Правитель может вызывать дождь, останавливать бурю, делать животных более плодовитыми, а урожаи обильными, он может вызывать страх у врагов и приносить военные победы. Это считается главной (а нередко и единственной) его задачей, и от того, насколько успешно он с ней справляется, зависит продолжительность его царствования и даже жизнь.

Особенно много для изучения этого механизма сделал Джордж Фрэзер. Он занимался изучением магии и религиозных обычаев у архаических народов и, в частности, многочисленных обрядов, связанных с сакрализацией власти в обществе. Фрэзер отмечал, что в представлениях многих архаических народов существует четкая связь между благополучием общества и авторитетом его правителя. У народов латука, бари и лалуба, обитавших в засушливых районах Нила, власть предводителей-знахарей основывалась на умении вызывать дожди с помощью магических ритуалов. Своими способностями они приобретали значительный авторитет в обществе. Однако в периоды засух разгневанные соплеменники могли убить предводителя, мотивируя это тем, что он не справляется с возложенными на него обязанностями. Его должность в этом случае часто переходила к его сыну или какому-либо иному близкому родственнику, поскольку считалось, что подобные чудесные качества передаются по наследству. Другой пример, приводимый Дж. Фрэзером, показывает, что архаические представления о связи между авторитетом правителя и высшими силами затрагивали не только внешние, непосредственно наблюдаемые события (дождь — засуха, удачная — неудачная охота, урожай — неурожай и проч.). Шиллуки Судана считали, что и реальные поступки, и здоровье вождя, в частности его потенция, оказывают влияние на благосостояние всего общества. В случае заболевания правителя или при признаках его недееспособности земледелие и жи-

вотноводство придет в упадок, а народ начнут преследовать хвори и прочие напасти. По этой причине многочисленные жены и старейшины внимательно наблюдали, насколько регулярно вождь выполняет свои супружеские обязанности. При появлении тревожных симптомов вождю вручалась «белая метка» — во время ежедневного полуденного отдыха его лицо накрывалось куском белой материи. Через некоторое время после этого приводился в исполнение жестокий приговор — вождя замуровывали в специально построенной хижине с девственницей, достигшей совершеннолетия [20, с. 87, 256, 257].

Подобный набор идеологических обязанностей был достаточно типичен для правителя позднего предгосударственного и раннего государственного общества. Сравнительно-историческое исследование 21 раннего государства, проделанное Х. Классеном, показывает, что в 18 из 19 случаев правитель обладал сверхъестественным статусом; в 17 из 19 случаев он генеалогически был связан с богами; в 14 из 16 случаев выступал посредником между миром людей и миром богов; в 5 из 18 случаев имел статус верховного жреца [21, р. 556].

Подобные представления были широко распространены и в средневековых обществах. Возможно, наиболее известным примером является популярное в средние века поверье, что французские короли могут исцелять больных золотухой возложением рук. Вера в это чудо просуществовала вплоть до нового времени. Считалось, что подобным даром обладали и английские короли. Когда в 1649 г. английский король Карл I был казнен, появились слухи, что платки, смоченные в его крови, обладают тем же целительным свойством, что и его руки. Последний сюжет был подробно рассмотрен М. Блоком в 1922 г. в книге «Короли-чудотворцы» [22]. Отталкиваясь от способности королей лечить золотуху, Блок перешел к более широкому кругу сакральных функций монархической власти и, исходя из этого, — к идеологическим воззрениям широких масс, ментальности средневекового общества. Становится понятно, каким мощным орудием власти является вера во взаимодействие вождей с потусторонними силами. Пользуясь своими «связями» с богами, вождь мог насладиться на негодных или не подчиняющихся ему лиц болезнями или иными напасти.

Власти, причем не только традиционной, присуща особая символика. С какой целью это делается? В политантропологической литературе распространена точка зрения, что символы предназначены для маркировки оппозиционных политических групп, фиксации в культурно-ритуальной форме реальных политических связей и структур [23]. Иными словами, в веберовской терминологии символы власти — это особая система признаков принадлежности к какой-либо группе в рамках данной системы господства. Символы могут быть официально утвержденными или признаваемыми неофициально, но они всегда легитимны. Сферы распространения символов очень разнообразны. Одежда, татуировка, украшения, прическа, комплекция

(тучность как показатель солидности), язык, манера поведения, — вот неполный перечень маркеров социального положения индивида.

Глубоко в древность уходит традиция связывать власть с хищными животными (лев, тигр, волк, орел и т. д.), которые символизируют агрессивность, силу, твердость, военное превосходство и даже жестокость ее представителей [24]. Власть создает также специальные символы индивидуального статуса, в которых концентрируются ее магические свойства. Уже колдуны и шаманы обладают священными предметами, позволяющими им вызывать духов и изменять течение природных процессов. Затем появились традиционные атрибуты власти — корона, держава, скипетр, посох, жезл.

Дистанция между правителем и остальной элитой, элитой и простыми массами показывает различие в статусах. Эту же разницу подчеркивает и многочисленная свита. Когда монарх передвигался верхом, рядом и позади двигалась кавалькада всадников. Даже для современного обывателя весьма впечатляюще выглядит сопровождение из черных машин с мигалками, многочисленные телохранители, помощники, секретари. Символика власти в архаических обществах требовала, чтобы при общении с правителем подданные подчеркивали свою полную ничтожность. В Дагомее и Буганде во время аудиенции проситель должен был подползать к королю, иногда полностью обнаженным, посыпая свою голову и лицо пылью или грязью. На Таити и Тонга не разрешалось находиться в присутствии вождя с открытыми плечами. У инков к императору полагалось подходить только босиком и с грузом на плечах. Во многих обществах на правителя запрещалось смотреть, а иногда с ним можно было общаться только через специального посредника. Согласно другой широко распространенной традиции правитель не мог касаться земли босыми ногами. Поэтому он передвигался на специальных носилках, а у аканов один из соратников вождя всегда имел при себе запасные сандалии.

В ряде вождеств и ранних государств не полагалось присутствовать при приеме правителем пищи. В королевстве Лоанго были убиты двенадцатилетний сын и любимая собака правителя, которые случайно застали его за трапезой. Посуда, из которой вождь или король принимает пищу, строго табуирована. Остатки недоеденной пищи, срезанные волосы, ногти, а также экскременты тайно уничтожаются в соответствии со специальным ритуалом, чтобы они не стали достоянием колдунов. Некоторые ритуалы и церемонии (например, обряды коронации или похорон) сопровождаются человеческими жертвоприношениями.

Особое значение имеют обряды коронации. С магической точки зрения они предназначены для передачи правителю сакрального статуса. В редких случаях этот статус наследовался претендентом до инаугурации — например, на Гавайях или Таити. Как правило, пышно обставленную церемонию предваряют ритуалы очищения, в мо-

мент возведения в царское достоинство вручаются символы верховной власти (корона, жезл, копье и т. п.), коронованный властитель принимает подобающий его статусу, титул (Чингисхан) или новое имя (китайская традиция), осуществляет массовые раздачи подарков. Нередко церемония коронации сопровождается человеческими жертвоприношениями (в Буганде, на Гавайях и Таити, у ацтеков и инков, в Древнем Китае, Египте, у йоруба, скифов, монголов и т. д.).

Уход из жизни правителя приводил к нарушению гармонии сакральных процессов. Общество лишалось своего покровителя, заступника перед богами. В стране объявлялся траур. В некоторых обществах смерть правителя вызывала ритуальную анархию (Анкол, Вольта, Гавайи и др.). На Таити молодежь под предводительством жрецов совершала запрещенные, табуированные поступки. На Тонга разворачивались инсценированные сражения между слугами покойного вождя и плакальщиками.

Похороны правителя производились с особенной пышностью. Возводился монументальный погребальный комплекс (гробница, мавзолей, пирамида, курган и т. д.), что нередко требовало больших материальных и человеческих затрат. Во время траурной церемонии в могилу вместе с роскошно украшенным гробом опускался богатый инвентарь — одежда, украшения, оружие, предметы быта, пища — словом, все, что могло понадобиться покойному на том свете. Траурная церемония заканчивалась, как правило, пышной ритуальной трапезой с принесением жертв богам, душе умершего, будущему правителю. Во многих вождествах и государственных образованиях обряд похорон сопровождался человеческими жертвоприношениями (у алеутов, ашантийцев, галлов, германцев, кельтов, маори, монголов, полинезийцев, скифов, в Древнем Египте и Китае, в средневековой Норвегии и Японии и т. д.), нередко весьма кровавыми. В Дагомее, например, для усопшего правителя гроб изготавливался из глины, замешанной на человеческой крови.

Смерть правителя могла вызвать серьезные социальные последствия: смуту из-за престолонаследия, восстание вчерашних вассалов и данников, наконец, попытку воспользоваться ситуацией со стороны соседних стран. Может ли такое общество считаться деспотическим? При всем внешнем подобии нужно учитывать одно важное обстоятельство: правитель обладает столь высоким статусом только потому, что, по мнению подданных, при его содействии природные процессы способствуют их благополучию. Он бог или посредник между богами и людьми. Люди относятся к нему как к богу, окружают заботой и почестями, преклоняются перед ним. Однако это преклонение продиктовано стремлением оградить общество от потусторонних сил. «Правитель живет, опутанный сетями детально разработанного этикета, запретов и предписаний, цель которых состоит не в охране его достоинства и тем более благополучия, а в удержании его от совер-

шения поступков, которые, нарушая гармонию природы, могли бы ввергнуть его самого, народ и весь мир во всеобщую катастрофу. Эти предписания, регламентирующие каждый его поступок, не только не способствуют удобству, но, напротив, донельзя стесняют его свободу и часто превращают саму жизнь его, которую они имеют своей целью сохранять, в тягостное бремя» [20, с. 168].

Как только правитель перестанет справляться со своими обязанностями, его изгонят или предадут смерти. Забота о возвращении событий в нормальное русло будет возложена на его преемника. Правитель архаического общества никогда не управлял единолично. Его всегда окружали многочисленные родственники и жены, вожди и старейшины подчиненных владений, военачальники и лично преданные воины, придворные и слуги. Как правило, на них было возложено большинство практических задач по управлению вождеством или государством. В ряде обществ правитель вообще был отстранен от реальной политической власти. Считалось, что уже своим существованием он поддерживает божественный порядок (Япония, Хазарский каганат, Бенин, Непал).

При отсутствии реальных механизмов интеграции, контроля и принуждения больших масс людей персона сакрального правителя выполняла важные консолидирующие и организационные функции. Она была не только ключевым психологическим механизмом идеологии зарождающегося государственного общества, но и важным символом, объединяющим социум. С формированием государственной системы появились более действенные механизмы предотвращения раскола в обществе (армия, полиция, суд и проч.). Необходимость в «сакральном правителе» отпала. Однако остались почтение, таинственный церемониал и символика власти, значимость которых интуитивно осознается, но функциональный смысл уже утрачен [25].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen: Verlag von J.C.B. Mohr (P. Siebeck), 1922.
2. *Вебер М.* Хозяйственная этика мировых религий // Вебер М. Избранное. Образ общества / Пер. с нем. М.И. Левина и др.; Отв. ред. Я.М. Бергер и др. М.: Юрист, 1994. С. 43–77.
3. *Mann T.* The Sources of Social Power. Vol. I, II. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
4. *Earle T.* How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory. Stanford (Cal.): Stanford University Press, 1997.
5. *Earle T.* Chiefdoms in Archaeological and Ethno-historical Perspective // Annual Review of Anthropology. 1987. Vol. 16. P. 279-308.
6. *Крадин Н.Н.* Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности / Отв. ред. В.А. Попов. М.: Наука, 1995. С. 11–61.

7. Салинз М. Экономика каменного века / Пер. О.Ю. Артемовой и др. М.: ОГИ, 2000.
8. Восленский М.С. Номенклатура. М.: Советская Россия, 1991.
9. Fried M. The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology. New York: Random House, 1967.
10. Rice P. Evolution of Specialization Pottery Production: A Trial Model // Current Anthropology. 1981. Vol. 22. P. 219-240.
11. Васильев Л.С. Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средние века / Отв. ред. Л.Б. Алаев. М.: Наука, 1982. С. 60-99.
12. Southall A. The Segmentary State: From the Imaginary to the Material Means of Production // Early State Economics / Ed. by H.J.M. Claessen, P. van de Velde. New Brunswick: Transaction Publishers, 1991. P. 75-96.
13. Webb M. The Flag Follows the Trade: An Essay on the Necessary Interaction of Military and Commercial Factors in State Formation // Ancient Civilization and Trade / Ed. by C. Lamberg-Karlovski, J. Sabloff. Albuquerque, 1975. P. 155-209.
14. Ekholm K. External Exchange and the Transformation of Central African Social Systems // The Evolution of Social Systems / Ed. by J. Friedman, M. Rowlands. London, 1977. P. 115-136.
15. Carneiro R. A Theory of the Origin of the State // Science. 1970. No. 169 (3947). P. 733-738.
16. Has J. The Evolution of the Prehistoric State. New York: Columbia University Press, 1982.
17. Cohen R. Warfare and State Formation // Development and Decline: The Evolution of Sociopolitical Organization / Ed. by H.J.M. Claessen, P. van de Velde. South Hadley: Bergin, 1985. P. 276-289.
18. Claessen H.J.M. Structural Change: Evolution and Evolutionism in Cultural Anthropology. Leaden: Research School CNWS, Leaden University, 2000.
19. Skalnik P. Ideological and Symbolic Authority: Political Culture in Nanun, Northern Ghana // Ideology and the Formation of Early States / Ed. by H.J.M. Claessen, J.G. Oosten. Leaden, 1996. P. 84-98.
20. Фрэнгер Дж. Золотая ветвь / Пер. с англ. М.К. Рыклина. М.: Изд-во пол-лит. лит-ры, 1986.
21. The Early State / Ed. by H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague: Mouton, 1978.
22. Блок М. Короли-чудотворцы: очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии / Пер. с франц. В.А. Мильчиной. М.: Языки русской культуры, 1998.
23. Cohen A. Political Anthropology: The Analysis of the Symbolism of Power Relationship // Man. 1969. Vol. 4. P. 215-235.
24. Morris B. The Power of Animals: An Ethnography. Oxford: Berg, 1998.
25. Claessen H.J.M. Kingship in the Early State // Bijdragen tot de Taal-Land-en Volkenkunde. 1986. Vol. 142. No. 1. P. 113-129.